

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136

В. А. Никулина*

Истоки сроков давности в древнерусском уголовном праве

Аннотация. Прообраз современного института сроков давности уголовного преследования появляется уже в древнерусском праве. Преступление по нему носит частноправовой характер (обида), а основным наказанием выступает месть обидчику. Зарождающаяся государственная власть требует ограничения мести, носящей деструктивный характер, хотя и продолжающей выступать естественной реакцией на девиантное поведение. Одним из таких ограничителей становится установление определенного срока, в течение которого разрешается безнаказанно мстить. В различных правовых системах этот срок обозначен по-разному. В древнерусском праве, испытавшем влияние византийской юридической практики, сформировалось требование о правомерности мести только при немедленной реализации, что сближает ее с институтом необходимой обороны. Но в этом также проявляются зачатки современного института сроков давности, так как месть в тот период удовлетворяла целям наказания. Проведенный в статье анализ норм Русской Правды в сравнении с нормами древнегерманского права служит тому подтверждением. Помимо этого, установление в древнерусском праве сроков в отдельных случаях имело и процессуальные предпосылки, также свойственные и современному институту сроков давности. Тем не менее давностное забвение не получило своего дальнейшего развития в древнерусском праве. Наиболее востребованным оказался институт денежного возмещения, который не только эффективно вытеснил месть, но и обеспечил экономическую платформу для формирующегося государственного аппарата. В таких условиях ограничивать каким-либо сроком уплату выкупа как основного на тот период времени вида наказания было экономически невыгодно, и прежде всего непосредственно государству в лице княжеской власти. Таким образом, в своем историческом развитии институт сроков давности уголовного преследования на этапе древнерусского права приобретает свою идентичность и значимость только при сопоставлении и раскрытии тех задач, которые решались государством в данный конкретный период времени путем применения наказания.

Ключевые слова: сроки давности; уголовное преследование; древнерусское право; Русская Правда; наказание; цели наказания; ограничение мести; выкуп.

Для цитирования: Никулина В. А. Истоки сроков давности в древнерусском уголовном праве // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 126—136. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136.

The Origins of Limitation Period in the Old Russian Criminal Law

Viktoriya A. Nikulina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, National Research University "Higher School of Economics" — Saint-Petersburg
ul. Promyshlennaya, d. 17, Saint Petersburg, Russia, 198099
vnikulina@hse.ru

Abstract. The prototype of the modern institution of limitation periods for criminal prosecution appears in old Russian law. The crime under it is of a private legal nature (offense), and the main punishment is revenge on the offender. The nascent state power requires limiting revenge, which is destructive in nature, although it continues to

© Никулина В. А., 2020

* Никулина Виктория Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург
Промышленная ул., д. 17, г. Санкт-Петербург, Россия, 198099
vnikulina@hse.ru

act as a natural reaction to deviant behavior. One of these restrictions is the establishment of a certain period during which it was allowed to take revenge with impunity. In different legal systems, this period is designated differently. In old Russian law, which was influenced by Byzantine legal practice, there was a demand for the legality of revenge only in case of immediate implementation, which brings it closer to the institution of necessary defense. This also shows the beginnings of the modern institution of limitation periods, since revenge at that time satisfied the goals of punishment. The analysis of the norms of *Russkaya Pravda* [Russian Justice] in comparison with the norms of ancient German law is a confirmation of this. In addition, the establishment of limitation periods in old Russian law in some cases had procedural prerequisites, which are also characteristic of the modern institution of limitation periods. Nevertheless, long-standing oblivion did not receive its further development in old Russian law. The most popular institution was monetary compensation, which not only effectively replaced revenge, but also provided an economic platform for the emerging state apparatus. In such circumstances, it was economically unprofitable to limit the payment of ransom as the main type of punishment for that period of time, and first of all directly to the state in the person of the princely power. Thus, in its historical development, the institution of limitation periods for criminal prosecution at the stage of old Russian law acquires its identity and significance only when comparing and disclosing those tasks that were solved by the state in this particular period of time by applying punishment.

Keywords: limitation period; criminal prosecution; old Russian law; *Russkaya Pravda*; punishment; goals of punishment; restriction of revenge; ransom.

Cite as: Nikulina VA. Istoki srokov давности в древнерусском уголовном праве [The Origins of Limitation Period in the Old Russian Criminal Law]. *Lex russica*. 2020;73(10):126-136. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.126-136. (In Russ., abstract in Eng.).

В современной юридической литературе достаточно подробно исследованы проблемы освобождения от уголовной ответственности, в том числе и вопросы его исторического развития и оснований формирования¹. Сегодня кажется бесспорным сформулированное в теории и закрепленное в уголовном законодательстве правило, согласно которому по истечении определенных сроков и при наличии нормативно указанных обстоятельств исключается уголовная ответственность, осуждение либо исполнение назначенного судом наказания². При этом в науке уголовного права на основании позиции Государственного совета 1824 г.³ сложилось убеждение, что институт сроков давности привлечения к уголовной ответственности в отечественном праве начинает свое раз-

витие с Манифеста Екатерины II от 17.03.1775⁴. Лишь отдельные авторы переносят его истоки вглубь веков. Так, А. В. Чепик фиксирует появление правового института давности в Псковской судной грамоте, где она носила в большей степени исковой характер, а в меньшей — выполняла функции приобретательской давности⁵, то есть имела гражданско-правовое, а не уголовно-правовое значение. В свою очередь, Э. В. Георгиевский оценивает положение ст. 22 Правосудия митрополичьего, ограничивающее возможность уголовного судопроизводства сроком в три года или периодом правления князя, как первое закрепление конкретных сроков для привлечения лица к уголовной ответственности⁶. Между тем более ранний период развития русского уголовного права остается менее изу-

¹ См.: *Сверчков В. В.* Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. СПб., 2008. С. 12—25 ; *Ендольцева А. В.* Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005 ; *Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права : монография / Л. М. Аширова, Е. В. Бурyleва, Е. Г. Васильева [и др.] ; под общ. ред. М. Б. Костровой.* 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2019.

² *Ткачевский Ю. М.* Давность в советском уголовном праве. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 13.

³ Привод. по: *Саблер В. К.* О значении давности в уголовном праве. М., 1872. С. 26.

⁴ См.: *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 2. С. 471 ; *Сагитдинова З. И.* Институт давности преступления по уголовному праву России: история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 8.

⁵ См.: *Чепик А. В.* Давность как юридическая конструкция: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 18—19.

⁶ См.: *Георгиевский Э. В.* Характеристика древнерусского уголовного закона и пространственно-временных принципов его действия // *Вестник Томского государственного университета.* 2013. № 371. С. 131.

ченным. А норму Русской Правды (Пространная редакция) об укрытии челядина (ст. 32) считают порождающей — вследствие истечения трехдневного срока после объявления на торгу — ответственность укрывателя, а не устраняющей ее⁷. Соответственно, для периода древнерусского уголовного права юридическая природа института давности, основания ее применения остаются не до конца разрешенными. Уяснение же истоков появления этого института позволит не только раскрыть логику его развития, но и наметить в дальнейших исследованиях оптимальные пути его совершенствования в современном праве.

Несмотря на то что существующий сейчас институт сроков давности имеет широкий спектр применения — от прекращения уголовного преследования до неисполнения назначенного судом наказания, исходной платформой, где появились сроки давности, бесспорно, была кара. Как писал профессор Н. С. Таганцев, ответ на вопрос об основании неприменения наказания в силу более или менее продолжительного времени находится «в прямой зависимости от самого воззрения на сущность и цель карательного права»⁸. Поэтому генезис института давности следует соотносить с историей собственно наказания.

Древнейшей формой реагирования на девиантное поведение являлась кровная месть — месть со стороны потерпевшего, его родственников, целого рода (племени). Она не вводится законодателем, так как «была правом искони», «жила в нравах»⁹. Другими словами, это естественное, а не октроированное право личности, трансформирующееся из нереализованного в момент преступления права на самооборону.

Но по мере выделения общественных, то есть публичных, интересов месть, основываясь не на объективном понимании неправды, а на одностороннем и субъективном восприятии преступления как обиды¹⁰, оказывалась нередко неконтролируемой и деструктивной реакцией на допущенное нарушение. Поэтому и появляются первые формы социального управления и судебного контроля, а именно определенные правила и обычаи, ограничивающие применение мести¹¹.

Древние ограничения кровной мести уже содержали зачатки современного института сроков давности и заключались в установлении определенного времени, в течение которого можно было мстить. Например, в ранний период исландского права (Gragas): 1) за убийство в ссоре или драке, за тяжкие раны, за изнасилование женщины допускалась месть лишь до ближайшего схода (Allthing); 2) за побои можно мстить, пока сохраняются их следы; 3) за побои бесследные можно было мстить лишь немедленно¹² (что, к слову, еще раз подчеркивает происхождение мести как отложенной, запоздалой обороны). У древних германцев также обществом лимитируется «широта выбора способов и адресатов мести»¹³, появляется ограничение мести годичным сроком, по прошествии которого обиженный уже терял это право¹⁴.

Идет по пути ограничения кровной мести и развитие древнерусского права. Тенденцией отечественного законодательства профессор М. Д. Шаргородский признает как сокращение круга лиц, имеющих право мстить, так и ограничение числа случаев допускаемой мести¹⁵. Представляется, что, помимо названных оснований, еще и время было ограничителем расправы.

⁷ Быстриков А. М., Асаенко Б. В. Причины и предпосылки возникновения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в уголовном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2017. № 5. С. 191.

⁸ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 471.

⁹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. С. 92.

¹⁰ Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. С. 4.

¹¹ См. об этом: Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства (по лекциям проф. М. Дьяконова). Юрьев, 1905. С. 10.

¹² Очерки истории русского права. С. 7.

¹³ Георгиевский Э. В. Обычное уголовное право Древней Германии до образования первых варварских королевств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 2. С. 321.

¹⁴ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 386.

¹⁵ См.: Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. С. 26.

Так, анализ древнерусских юридических памятников позволяет сделать вывод, что в Древней Руси разрешалась только немедленная месть¹⁶, а потерпевшему, которому не удалось реализовать свое право кровной мести — «постигнуть» обидчика, статья 3 Русской Правды (Краткая редакция) предназначала выкуп за удар¹⁷. Анализируя ст. 26 Русской Правды (Пространная редакция), согласно которой, если «не терпя ли противу тому ударит мечем, то вины в том нету»¹⁸, профессор В. И. Сергеевич пришел к выводу о недопустимости лицу, стерпевшему оскорбление действием, в последующем мстить за это ударом меча¹⁹. На основании ст. 38 Русской Правды (Краткая редакция) и ст. 40 Русской Правды (Пространная редакция) убийство вора в доме, на дворе, «у клети или у хлева» ограничено временным пределом — ночным («до света»)²⁰. Указанная норма пришла к нам через Византию (договор Руси и Византии 911 г.²¹) либо от римлян, у которых с ранних времен было право «гражданина убить ночного вора (für nocturnus. XII Таб. «Si nox furtum factum sit, si im occisit, jure coesus esto»)»²², либо из положений Библии, определяющих восход солнца как временную границу ненаказуемого убийства застигнутого вора (Исх. 22:2-3).

Установление определенного времени, в течение которого месть допускалась и оставалась правомерной, было шагом государства на пути не просто ограничения произвола, а сосредоточения карательной власти в своих руках и формирования понимания преступления не

как частного дела, а как общественно наказуемого деяния. Государство, еще не обретшее полноценной правовой основы, в тот период не готово было полностью отказаться от мести — чувства, глубоко лежащего в природе человека, но оно уже ограничивает ее, в том числе и периодом, когда «обиженный» находится в состоянии сильного возмущения. Но, как справедливо пишет К. Е. Сигалов, «невозможно вдруг и сразу изменить правовую жизнь общества»²³. Таким образом, естественное и укоренившееся в виде обычая отмщение, пусть и оказавшееся в процедурных (процессуальных) рамках, продолжает сохраняться.

В древнерусском праве, как мы увидели выше, правомерность мести в определенных случаях вообще оказалась ограниченной ее немедленной реализацией. Это, с одной стороны, сближает ее с институтом необходимой обороны²⁴, а с другой — напоминает аффект, смягчающий сегодня наказание. На субъективную составляющую мщения также обращал внимание Н. Н. Максимейко, который выделял «психологическое основание допущения мести»: «Если обидчик успел уйти, то потерпевший лишился права мести; его раздраженное чувство должно было более или менее успокоиться, и он мог уже овладеть собой»²⁵. В тот период это служило ограничением для личной расправы или самоуправства.

Отсутствие же в отечественном праве более длительного срока исполнения мести, как у древних германцев или исландцев, объ-

¹⁶ Некоторые исследователи считают, что согласно нормам Русской Правды месть, как самоуправство, чужда древнерусскому праву (см.: Максимейко Н. Н. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестник права: Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1905. Кн. 3 (март). С. 141—152). Однако данную точку зрения нельзя признать обоснованной. Более того, в своей работе Н. Н. Максимейко делает вывод, что «можно было мстить за обиду немедленно после ее причинения и на том же самом месте» (Максимейко Н. Н. Указ. соч. С. 152).

¹⁷ Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси. С. 47.

¹⁸ Российское законодательство X—XX веков. С. 65.

¹⁹ См.: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 387.

²⁰ Российское законодательство X—XX веков. С. 49, 66—67.

²¹ См.: Неволлин К. А. История российских гражданских законов : в 3 т. СПб., 1851. Т. 3. Книга вторая об имуществах. С. 235.

²² Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова : пер. с нем. : в 2 т. СПб., 1865. Т. 1. С. 106.

²³ Сигалов К. Е. Становление права во времени // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 106.

²⁴ Более подробно см.: Понихидин Ю. М. К вопросу о становлении института необходимой обороны в русском уголовном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2 (84). С. 14—21.

²⁵ Максимейко Н. Н. Указ. соч. С. 151.

ясняется несколькими причинами. Во-первых, невозможностью обеспечить контроль за соблюдением какого-либо относительного долговременного срока вследствие неразвитости государственного управления, формирующегося в условиях постоянных войн и междоусобиц. А во-вторых, влиянием Византии, где нормы права уже запрещали кровную месть. Так, положение договора 911 г.: «Аще кто убьет христиана русин или христьян русина, да умереть, идеже аще сотворить убийство»²⁶ — В. И. Сергеевич толкует не как реализацию традиционной для Руси мести, а как смертную казнь по приговору суда, хотя и свершаемую на месте преступления²⁷. С другой стороны, также очевидно, что нормы договоров не распространялись на территорию Древней Руси. Их значение носило скорее мировоззренческий характер, когда русские обычаи видоизменялись под влиянием правил, выработанных более развитой юридической практикой для ограничения самоуправства.

Помимо изложенного, установление сроков носило и просто утилитарный характер. Так, стоит отметить, что до сих пор в современной юридической науке в качестве одного из оснований применения сроков давности называют трудности расследования совершенного в давнем прошлом преступления и утрату в таких случаях доказательств, необходимых для вынесения справедливого решения по делу²⁸. В древнерусский же период возможность сохранения следов преступления была чрезвычайно кратковременной, что лимитировало потерпевшего, заинтересованного более представить бесспорные и достоверные доказательства совершенного преступления, нежели проходить испытания. При этом В. М. Сырых относит к принципам судопроизводства Древней Руси обязанность суда оперативно, в отдельных случаях в тот же день, рассмотреть заявление истца²⁹. При такой скорости судопроизводства

не могло проходить сколько-нибудь существенного времени между обнаружением деяния и назначением за него наказания. Времени же для мести в таких условиях и вовсе почти не остается.

Таким образом, уже на первоначальном этапе формирования и усиления государственной власти появляются первые ростки института сроков давности уголовного преследования как одного из ограничителей личной расправы и произвола. Развитие судебного контроля потребовало сформулировать правила правомерности мести, отграничивающие ненаказуемую месть от случаев самоуправства. Одним из таких критериев отграничения выступало и время как надежный и эффективный целитель нанесенных обидчиком ран. Как подчеркивал К. Я. Яневич-Яневский, в основе возникновения и применения давности лежит «умеряющая, очистительная сила времени»³⁰. В итоге субъективные (психологические) и объективные (процессуальные) причины послужили основанием для установления определенного срока реализации наказания, пусть и продолжающего существовать в виде мести.

Однако этот прообраз современного института сроков давности не получает своего дальнейшего развития в текстах правовых памятников периода становления ранних государств. Это можно объяснить несколькими обстоятельствами.

Во-первых, даже когда сроки давности не упоминаются, они очевидны для современников. Именно с этим связано последующее письменное закрепление в ст. 2 Русской Правды (Краткая редакция) нормы о возможности — при отсутствии свидетеля (видака) — наказать обидчика, только пока потерпевший с синяками или кровавыми ранами³¹, после излечения он уже не вправе рассчитывать на возмещение обиды. Здесь срок давности совпадает со сроком лечения, что для жителей

²⁶ Памятники русского права : Памятники права Киевского государства, X—XII вв. Вып. 1 / сост.: А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 7.

²⁷ См.: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 647.

²⁸ Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов : в 2 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 2. С. 187 ; Маликов С. В. Время и сроки в уголовном праве России : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2019. С. 186—187.

²⁹ История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. М. : Норма, 2016. Т. 1. С. 349 (автор главы — В. М. Сырых).

³⁰ См.: Яневич-Яневский К. Я. Об уголовной давности, в особенности по русскому праву // Юридические записки. СПб., 1862. Т. 5. С. 25.

³¹ Российское законодательство X—XX веков. С. 47.

Древней Руси не требовало специального пояснения или закрепления. Не предполагается этим правилом и неотвратимость наказания. Экономия уголовной репрессии, почти не имея в то время материально-правовых способов реализации, проявляется в процессуальном ограничении споров и принципе *res judicata*, когда окончание дела важнее длительного судебного разбирательства.

Во-вторых, на потерпевшего (его родственников) возлагались обязанности как самостоятельного, обычно — по горячим следам розыска обидчика, так и сбора доказательств вины, но и эти досудебные процедуры инициировались «закличем», возможным лишь немедленно (без проволочки), поскольку в противном случае община не помогала пострадавшему³². При этом розыск был сложным и трудоемким, он требовал значительных усилий, участия множества лиц, необходимости их обеспечения питанием и лошадьми за счет потерпевшего. В таких условиях уже эти параметры ограничивали возможность обнаружения преступника и предания его княжескому (или общинному) суду. Соответственно, эти процедурные и организационные затраты сами по себе служили естественным ограничителем кары, а потому для введения дополнительного критерия — срока давности не было существенных объективных предпосылок в древнерусском судопроизводстве.

Однако эти же затраты (помимо собственно ущерба от преступления) начинают, по видимому, учитываться в тот период, когда наряду с местью в древнем праве формируется институт композиции (*compositio*), вознаграждения или выкупа, который заключался в пра-

ве виновного лица откупиться от мести пострадавшего и его семьи. Первоначально денежное вознаграждение возникает лишь в отдельных случаях, когда обиженный отказывался от мести или по другим основаниям месть была невозможна. Затем свобода потерпевшего в выборе средств наказания сокращается, а выкуп постепенно полностью вытесняет древнейший институт мести, смягчает ее³³.

На основе чего формировалась оценка причиненного преступлением вреда, как определялся размер выкупа или вознаграждения? Уже на ранних этапах ограничителем кровной мести выступил сам принцип талиона, предполагавший, как показывает К. В. Корсаков, появление границ соразмерности³⁴.

Так, в Риме по Закону XII таблиц допускалось возмездие в виде наказания за преступление — око за око, зуб за зуб; но это строгое наказание совершалось очень редко, потому что вместо него дозволялось денежное удовлетворение³⁵.

В истории древнего права встречаются установленные законом таксы, в которых оценка преступлений зачастую доводится до мельчайших подробностей³⁶. В итоге наиболее удобным и востребованным ограничителем индивидуального произвола оказался принцип талиона, ставший основой для оценки причиненного вреда в денежном (ином имущественном) эквиваленте, измерителем почти всего.

В древнегерманском праве первоначально только от потерпевшего зависело право избрать месть или получить от виновного выкуп, но постепенно завершается процесс трансформации «кровавой мести... в систему бусс, в *compositio* и *fredum*³⁷, как плату за нарушенный мир»³⁸. На раннем этапе единицей расчета служил круп-

³² История суда и правосудия в России. С. 352, 377—380.

³³ См. об этом также: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 390 ; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973. С. 155.

³⁴ См.: Корсаков К. В. Модель воздаяния в криминологии и уголовно-правовой доктрине. М. : Юрлитинформ, 2007. С. 37.

³⁵ Привод. по: Маккензи Т. Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии : пер. с англ. М., 1864. С. 391.

³⁶ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 117—118.

³⁷ Терминология буссы (*busze*, *busse*) по древнегерманскому праву очень разнообразна: она отождествляется и с *compositio* или вирой (*Wehrgeld*), и с *fredum*, по сути это система денежных взысканий, состоящая из двух частей в пользу «обиженного» (частный выкуп) и в пользу общины (общественный выкуп или штраф). Как пишет В. В. Есипов, «...так как вредоносное действие одновременно нарушало и общий мир, то народ присваивал себе часть буссы, которая считалась вначале за вознаграждение, затем видоизменилась и, наконец, приобрела вид публичного штрафа» (Есипов В. В. Преступление и наказание в древнем праве. Варшава, 1903. С. 3.).

³⁸ Есипов В. В. Указ. соч. С. 6.

ный и мелкий скот, который для древних германцев был «единственным и самым любимым достоянием», так как именно определенное количество скота давало возможность откупиться человекоубийце от наказания³⁹, только позднее пени стали уплачиваться деньгами. Причем обязанность платить лежала не на одном преступнике, но и на целом роде⁴⁰. Уже в IV в. нормы обычного права, зафиксированные в древнем правовом памятнике франкского общества — Салической правде, содержат по большей части предписания о суммах штрафа за различного рода преступления⁴¹.

В древнерусский период письменное уголовное законодательство уже знает сложную систему выкупа: виру, головничество, продажу и урок. В частности, в соответствии с греко-русскими договорами, заключенными при Олеге в 911 г., а затем при Игоре в 944 г., в случае совершения «смертоубийства» ничто не мешало родственнику убитого принять выкуп от убийцы, вследствие чего виновный освобождался от дальнейшей ответственности. Если же убийца окажется человеком бедным и скроется, то «ответственность через это с него не сходит, почему, когда впоследствии времени он будет отыскан, то он должен умереть»⁴². Томас Маккензи высказался довольно категорично, анализируя ответственность за отцеубийство⁴³, разделяет народы на цивилизованные, у которых за такое деяние предусмотрена смерть, и «необразованные», допускающие его заглаживание уплатой денежной пени⁴⁴. Тем самым по делам об убийстве выкуп являлся заменой кровной мести, которая в случае неуплаты возмещения не ограничивалась сроком давности.

Историю замены кровной мести выкупом можно проследить по различным редакциям Русской Правды, датированным разными столетиями. Так, в Сокращенную Правду не вош-

ли нормы о мести за кровавые раны и за повреждение ноги, что В. И. Сергеевич оценивал как сделанное во избежание противоречия со ст. 31, устанавливающей денежное возмещение в аналогичных случаях⁴⁵. Вряд ли составители этой редакции руководствовались целями законодательной техники. Для них это был живой документ, в который они включили только актуальные, то есть применявшиеся (подлежавшие применению) правила, что означало отмену мести в пользу выкупа.

Причем меняется не только содержание кары, но и распределение сумм выкупа: доля потерпевшего уменьшается в пользу князя, когда часть вознаграждения стала предназначаться ему (или его представителю) как гаранту общественного порядка и спокойствия.

Безусловно, такая система сложилась не сразу. Потерпевший — это не отдельная личность, а индивид, неразрывно связанный с общиной (племенем, родом), поэтому как таковых субъективных интересов частного лица, в современном юридическом понимании, не могло быть — они растворялись в интересах общины.

На раннем этапе древнегерманского права *fredus* уплачивался только в том случае, если потерпевший требовал выкуп судом, по сути, это была плата за вмешательство государства как посредника в восстановление мира⁴⁶. Это отражает и указанное выше обстоятельство об учете в размере выкупа затрат на розыск преступника. В древнерусском же праве первоначально князь мог получить виру, только если месть была невозможна, например некому было мстить⁴⁷. Позднее примирение частных интересов отходит на второй план, «общество начинает требовать вознаграждения самому себе за нарушение общественной безопасности, общественной тишины или мира (*fredum*, *Friedensgeld*)»⁴⁸. Отсюда и возникает обязан-

³⁹ Георгиевский Э. В. Обычное уголовное право Древней Германии до образования первых варварских королевств. С. 318.

⁴⁰ Есипов В. В. Указ. соч. С. 5.

⁴¹ Федоров К. Г. История государства и права зарубежных стран. Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. С. 63.

⁴² Неволин К. А. Указ. соч. С. 234.

⁴³ Достаточно показательный пример, так как отцеубийство всегда признавалось наиболее тяжким преступлением, за остальные преступления против частных лиц наказание не могло быть строже.

⁴⁴ Маккензи Т. Указ. соч. С. 385.

⁴⁵ См.: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 71, 394.

⁴⁶ Очерки истории русского права. С. 21.

⁴⁷ Домникова В. В. Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 : Право. 2013. № 3. С. 90—91.

⁴⁸ Бернер А. Ф. Указ. соч. С. 101—102.

ность уплатить, наряду с вознаграждением, потерпевшему штраф общине, а позже — представителю публичной власти (будь то вождь племени, князь или король).

Тем самым институт композиции в древнем праве позволил не только реализовать принцип измеримого, а потому справедливого возмещения, но и воплотить публичное начало в установлении и исполнении наказания, в конечном счете — усилить зарождающуюся государственную власть. Всё же архаизм выкупа очевиден. Он продолжает оставаться амбивалентным, совмещая уголовно- и гражданско-правовые начала, строится на материальном понимании преступления как деяния, причинившего вред или ущерб, за совершение которого должно быть наказание — удовлетворение потерпевшего. С установлением выкупа преступление приобретает характер долгового обязательства, прекращающегося с уплатой долга, которой погашается преступление⁴⁹, то есть обида. Соответственно, чувство отмщения уступает место экономическому расчету, который не мог смягчаться со временем, поскольку «долг платежом красен», а потому такие меры не создавали предпосылок для развития института сроков давности в уголовном праве. Хотя это и не исключает перенесения на такие долговые обязательства отдельных элементов исковой давности.

Но именно в этом проявляется слабость зарождающейся государственной власти, которая еще не в состоянии полностью отказаться от

мести. Она ее ограничивает, преобразуя через принцип талиона в выкуп. И только с усилением государства и влияния церкви институт композиции ограничивается, на смену ему приходят альтернативы частной расправе — наказания и смертная казнь, «театр казни»⁵⁰.

В таких условиях появившийся в древнем праве абрис сроков давности уголовного преследования терял свое первоначальное значение как ограничителя мести и произвола. Но «социокультурные феномены на каждом историческом этапе развития имеют собственную идентичность и онтологическую значимость, то есть формально одно и то же может иметь различный, порой противоположный смысл на разных исторических этапах развития права»⁵¹. Следовательно, в уголовном праве сроки давности, имея как материальные, так и процессуальные предпосылки, зависят от характера применяемых к виновному мер, в первую очередь от места публичной власти в их реализации. При этом коллективная память сильнее индивидуальной. Если потерпевший или его родственники могут забыть обиду, то для государственной власти принципиально важно подчеркнуть свое право на кару. Поэтому в древнерусский период сроки давности, возникнув имплицитно на этапе зарождения государственной власти, с усилением этой власти теряют свое первоначальное значение и не получают развернутого отражения в правовом регулировании. Их дальнейшее возрождение в нормотворчестве связано уже с другими идеями и принципами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова : пер. с нем. : в 2 т. — СПб., 1865. — Т. 1 : Часть общая. — 941 с.
2. Быстриков А. М., Асаенко Б. В. Причины и предпосылки возникновения сроков давности привлечения к уголовной ответственности в уголовном праве // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. — 2017. — № 5. — С. 189—194.
3. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права : монография / Л. М. Аширова, Е. В. Бурyleва, Е. Г. Васильева [и др.] ; под общ. ред. М. Б. Костровой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2019. — 320 с.

⁴⁹ См.: Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 396.

⁵⁰ См. об этом: Грякалов Н. А. Lex Talionis. К фундаментальной антропологии талиона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17 : Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2015. Вып. 2. С. 19.

⁵¹ Сигалов К. Е. Указ. соч. С. 107.

4. *Георгиевский Э. В.* Обычное уголовное право Древней Германии до образования первых варварских королевств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 2. — С. 314—326.
5. *Георгиевский Э. В.* Характеристика древнерусского уголовного закона и пространственно-временных принципов его действия // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 371. — С. 125—132.
6. *Грякалов Н. А.* Lex Talionis. К фундаментальной антропологии талиона // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17 : Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. — 2015. — Вып. 2. — С. 12—20.
7. *Домникова В. В.* Разграничение преступлений и гражданских правонарушений по Русской Правде // Вестник Моск. ун-та. Серия 11 : Право. — 2013. — № 3. — С. 88—97.
8. *Ендольцева А. В.* Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — 50 с.
9. *Есипов В. В.* Преступление и наказание в древнем праве. — Варшава, 1903. — 61 с.
10. История суда и правосудия в России : в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. — М. : Норма, 2016. — Т. 1. — 640 с.
11. *Корсаков К. В.* Модель воздаяния в криминологии и уголовно-правовой доктрине. — М. : Юрлитинформ, 2007. — 224 с.
12. Курс уголовного права. Общая часть : учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой : в 2 т. — М., 1999. — Т. 2 : Учение о наказании. — 400 с.
13. *Маккензи Т.* Римское право сравнительно с законами Франции, Англии и Шотландии : пер. с англ. — М., 1864. — 422 с.
14. *Максимейко Н. Н.* Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестник права : Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. — СПб., 1905. — Кн. 3 (март). — С. 135—161.
15. *Маликов С. В.* Время и сроки в уголовном праве России : монография / отв. ред. А. И. Чучаев. — М. : Проспект, 2019. — 320 с.
16. *Неволин К. А.* История российских гражданских законов : в 3 т. — СПб., 1851. — Т. 3 : Книга вторая об имуществах. — 546 с.
17. Очерки истории русского права. История уголовного права и судопроизводства (по лекциям проф. М. Дьяконова). — Юрьев, 1905. — 139 с.
18. Памятники русского права : Памятники права Киевского государства, X—XII вв. Вып. 1 / сост. А. А. Зимин ; под ред. С. В. Юшкова. — М., 1952. — 288 с.
19. *Понихидин Ю. М.* К вопросу о становлении института необходимой обороны в русском уголовном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2012. — № 2 (84). — С. 14—21.
20. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1984. — Т. 1 : Законодательство Древней Руси. — 432 с.
21. *Саблер В. К.* О значении давности в уголовном праве. — М., 1872. — 407 с.
22. *Сагитдинова З. И.* Институт давности преступления по уголовному праву России: история и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2012. — 25 с.
23. *Сверчков В. В.* Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. — СПб., 2008. — 586 с.
24. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. — 668 с.
25. *Сигалов К. Е.* Становление права во времени // Пространство и время. — 2011. — № 4 (6). — С. 104—112.
26. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : в 2 т. — Тула : Автограф, 2001. — Т. 2. — 688 с.
27. *Ткачевский Ю. М.* Давность в советском уголовном праве. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 128 с.
28. *Федоров К. Г.* История государства и права зарубежных стран. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. — 456 с.
29. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. — СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. — 504 с.
30. *Чепик А. В.* Давность как юридическая конструкция: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 27 с.
31. *Шаргородский М. Д.* Избранные работы по уголовному праву. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. — 434 с.

32. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — М., 1973. — 240 с.
33. Яневич-Яневский К. Я. Об уголовной давности, в особенности по русскому праву // Юридические записки. — СПб., 1862. — Т. 5. — 128 с.

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2020 г.

REFERENCES

1. Berner AF. Uchebnik ugodnogo prava. S primechaniyami, prilozheniyami i dopolnениями po istorii russkogo prava i zakonodatelstvu polozhitelnomu N. Neklyudova: v 2 t. [Textbook of criminal law. With notes, appendices and additions on the history of Russian law and positive legislation N. Neklyudova: in 2 vols.]. Translated from Germ. Vol. 1: General part. St. Petersburg; 1865. (In Russ.)
2. Bystrikov AM, Asaenok BV. Prichiny i predposylki vozniknoveniya srokov davnosti privilecheniya k ugodnoy otvetstvennosti v ugodnom prave [Reasons and prerequisites for the emergence of the Statute of limitations for criminal liability in criminal law]. Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Series D. 2017;5:189-194. (In Russ.)
3. Ashirova LM, Buryleva EV, Vasileva EG, et al. Vzaimosvyaz ugodnogo i ugodno-protsessualnogo prava: monografiya [The relationship of criminal and criminal procedure law: A monograph]. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)
4. Georgievskiy EV. Obychnoe ugodnoe pravo Drevney Germanii do obrazovaniya pervykh varvarskikh korolevstv [Ordinary criminal law of Ancient Germany before the formation of the first barbarian kingdoms]. Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of foreign legislation and comparative law]. 2014;2:314-326. (In Russ.)
5. Georgievskiy EV. Kharakteristika drevnerusskogo ugodnogo zakona i prostranstvenno-vremennykh printsipov ego deystviya [Characteristics of the old Russian criminal law and the space-time principles of its operation]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2013;371:125-132. (In Russ.)
6. Gryakalov NA. Lex Talionis. K fundamentalnoy antropologii taliona [Lex Talionis. Towards the fundamental anthropology of Talion]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 17: Filosofiya. Konfliktologiya. Kulturologiya. Religiovedenie [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17: Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious studies]. 2015;2:12-20. (In Russ.)
7. Domnikova VV. Razgranichenie prestupleniy i grazhdanskikh pravonarusheniy po Russkoy Pravde [Differentiation of crimes and civil offenses according to Russian Truth]. Vestnik Mosk. un-ta. Ser.11: Pravo [Bulletin of Moscow State University. Ser.11: Law]. 2013;3:88-97. (In Russ.)
8. Endoltseva AV. Institut osvobozhdeniya ot ugodnoy otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimenitel'nye problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. [Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Author's abstract]. Moscow; 2005. (In Russ.)
9. Esipov VV. Prestuplenie i nakazanie v drevnem prave [Crime and punishment in ancient law]. Warsaw; 1903. (In Russ.)
10. Ershov VV, Syrukh VM, editors. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t. [History of the court and justice in Russia: in 9 vols.]. Vol. 1. Moscow: Norma; 2016. (In Russ.)
11. Korsakov KV. Model vyzdayaniya v kriminologii i ugodno-pravovoy doktrine [Model of retribution in criminology and criminal law doctrine]. Moscow: Yurlitinform; 2007. (In Russ.)
12. Kuznetsova NF, Tyazhkova IM, editors. Kurs ugodnogo prava. Obshchaya chast : uchebnik dlya vuzov. T. 2: Uchenie o nakazanii. [The course on criminal law. General part: A textbook for universities. Vol. 2: The doctrine of punishment]. Moscow; 1999. (In Russ.)
13. Mackenzie T. Rimskoe pravo sravnitelno s zakonami Frantsii, Anglii i SHotlandii [Roman law in comparison with the laws of France, England and Scotland]. Translated from Eng. Moscow; 1864. (In Russ.)
14. Maksimeyko NN. Mnimye arkhazmy ugodnogo prava Russkoy Pravdy [Imaginary archaisms of criminal law of the Russian Justice]. Vestnik prava: Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete. St. Petersburg; 1905. Book 3 (March). P. 135-161. (In Russ.)
15. Malikov SV. Vremya i sroki v ugodnom prave Rossii: monografiya [Time and terms in the criminal law of Russia: A monograph]. Moscow: Prospekt; 2019. (In Russ.)

16. Nevolin KA. Istoriya rossiyskikh grazhdanskikh zakonov: v 3 t. T. 3: Kniga vtoraya ob imushchestvakh [The history of the Russian civil law: in 3 volumes. Vol. 3: Book 2. On Property]. St. Petersburg; 1851. (In Russ.)
17. Ocherki istorii russkogo prava. Istoriya ugovnogo prava i sudoproizvodstva (po lektsiyam prof. M. Dyakonova) [Essays on the history of Russian law. History of criminal law and legal proceedings (lectures by Prof. M. Diakonov)]. Yuriev; 1905.
18. Zimin AA, Yushkov SV, editors. Pamyatniki russkogo prava: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva, X-XII vv. [Monuments of Russian law: Monuments of rights of the Kievan state, the 10-11th centuries]. Issue 1. Moscow; 1952. (In Russ.)
19. Ponikhidin YuM. K voprosu o stanovlenii instituta neobkhodimoy oborony v russkom ugovnom prave [On the question of the formation of the Institute of necessary defense in Russian criminal law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii [Saratov State Law Academy Bulletin]*. 2012;2(84):14-21. (In Russ.)
20. Rossiyskoe zakonodatelstvo X-XX vekov: v 9 t. T. 1: Zakonodatelstvo Drevney Rusi [Russian legislation of the 10-11th centuries: in 9 vols. Vol. 1. Legislation of Old Russia]. Moscow: Yurid. lit.; 1984. (In Russ.)
21. Sabler VK. O znachenii davnosti v ugovnom prave [On the meaning of the Statute of limitations in criminal law]. Moscow; 1872. (In Russ.)
22. Sagitdinova ZI. Institut davnosti prestupleniya po ugovnomu pravu Rossii: istoriya i sovremennost: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Institute of prescription of crime in the criminal law of Russia: history and modernity. Cand. Sci. (Law) Thesis. Author's Abstract]. Saratov; 2012. (In Russ.)
23. Sverchkov VV. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti, prekrashchenie ugovnogo dela (presledovaniya), otkaz v ego vzbuzhdenii. Problemy teorii i praktiki [Exemption from criminal liability, termination of criminal proceedings (prosecution), refusal to initiate it. Problems of theory and practice]. St. Petersburg; 2008. (In Russ.)
24. Sergeevich VI. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and research on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House; 1910. (In Russ.)
25. Sigalov KE. Stanovlenie prava vo vremeni [The formation of law in time]. *Prostranstvo i vremya [Space and time]*. 2011;4(6):104-112. (In Russ.)
26. Tagantsev NS. Russkoe ugovnoe pravo: v 2 t. [Russian criminal law: in 2 vols.]. Vol. 2. Tula: Avtograph; 2001. (In Russ.)
27. Tkachevskiy YuM. Davnost v sovetskom ugovnom prave [Limitation period in the Soviet penal law]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta; 1978. (In Russ.)
28. Fedorov KG. Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran [History of state and law of foreign countries]. Leningrad: Izd-vo LGU; 1977. (In Russ.)
29. Foynitskiy IYa. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke); 1889. (In Russ.)
30. Chepik AV. Davnost kak yuridicheskaya konstruktsiya: teoretiko-pravovoy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Limitation period as a legal construction: theoretical and legal analysis. Can. Sci. (Law) Thesis. Author's abstract]. Moscow; 2009. (In Russ.)
31. Shargorodskiy MD. Izbrannye raboty po ugovnomu pravu [Selected works on criminal law]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr-Press; 2003. (In Russ.)
32. Engels F. Proiskhozhdenie semi, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [Origin of the family, private property, and the state]. Moscow; 1973. (In Russ.)
33. Yanevich-Yanevskiy KYa. Ob ugovnoy davnosti, v osobennosti po russkomu pravu [On the criminal time limitations, especially under Russian law]. *Yuridicheskie zapiski [Legal notes]*. Vol. 5. St. Petersburg; 1862. (In Russ.)